

М. А. Фельдман

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕКУЛЬТУРНОМ УРОВНЕ РАБОЧИХ УРАЛА В ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

Вопрос об общекультурном уровне рабочих в период осени 1928 — июня 1941 г. следует отнести к числу наиболее актуальных среди исследований, посвященных истории России советского периода. В литературе 30 — 80 гг. XX в. не вызывал сомнений тезис о ведущей роли рабочего класса во всех областях социалистического строительства, в том числе и в сфере культуры¹. Следуя такому тезису, от культурного уровня рабочего класса зависели качественные характеристики того общества, которое создавалось в СССР.

В какой степени слой промышленных рабочих смог приобщиться к культурным богатствам, т. е. к совокупности накопленных обществом материальных и духовных ценностей? В чем конкретно выразилась роль рабочих в культурном строительстве — системе мероприятий, охватывавших систему образования, средства массовой информации и искусство, целью которых было воспитание человека, преданного «идеалам социализма»?

Ответы на заданные вопросы представляют интерес еще и потому, что в рассматриваемый период впервые на уровне государства была поставлена задача планомерного, всестороннего и гармоничного воспитания нового человека. Правящая партия в области культуры наметила и возвела в ранг закона программы общеобразовательного, идейно-политического, технического обучения, воспитания антирелигиозных убеждений и нового отношения к труду, физической и эстетической подготовки².

Рассмотрим реализацию этих планов в той сфере, которая в первую очередь должна была подвести рабочих к уровню знаний интеллигенции в области высшего и среднего специального образования. Новым явлением в рабочей среде Урала стало появление социальной группы, признаки которой определялись не ведомственными, квалификационными или имущественными признаками, а возрастными критериями.

Начало индустриального рывка ознаменовалось усилением идеологического воздействия на рабочую молодежь. Именно этот возрастной слой был вовлечен в школы ФЗУ, рабфаки, подготовительные курсы, где программа обучения с 1928 г. была заметно идеологизирована³. О масштабах вовлечения можно судить по следующему факту: контингент учащихся школ ФЗУ и профшкол Большого Урала в 1926—1932 гг. вырос с 9 тыс. до 81,3 тыс. человек⁴. Уже к 1929 г. до 40 % рабочей молодежи являлись членами ВЛКСМ⁵. Таким образом, рабочая молодежь в большей степени оказалась в поле действия идейного прессинга власти. В целом, уже к концу 20-х гг. в отношении этой возрастной группы можно говорить о фрагментарности сохранения элементов религиозности, уважения к собственности.

С конца 20-х гг. государство обозначило приоритеты в общеобразовательной подготовке рабочих. В первую очередь повышенные формы обучения касались коммунистов и комсомольцев, затем ударников, а с 30-х гг. — стахановцев. Последних пропаганда рисовала как передовых рабочих, новаторов. Далее в списке приоритетов шли рабочие крупных промышленных центров и, наконец, остальные рабочие. В реальной жизни эта иерархия в определенной степени корректировалась малограмотностью значительной части коммунистов и комсомольцев, ударников и стахановцев. Работники высшей школы с тревогой отмечали, что значительная часть молодых рабочих является на экзамены в «беспомощном состоянии». Так, при проверке грамотности поступающих в Пермский университет в 1927 г. 40 % из числа участвующих в экзаменах обнаружили незнание элементарных правил русского языка. Для молодых рабочих были характерны нарушение порядка слов, смещение прямой и косвенной речи, неуместное употребление союзов, употребление бессмысленных выражений и неуклюжих фраз⁶.

Архивные документы раскрывают необычный ракурс биографий стахановцев: в своей массе это были вчерашние неграмотные или малограмотные рабочие. Справедливость данного вывода подтверждает анализ биографий 500 наиболее известных стахановцев — 60,7 % из них являлись выходцами из деревни, почти половина из них имели стаж 3—4 года⁷.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Призыв государства к рабочим «Пролетарии — в вузы!» нашел благодатный отклик у рабочей молодежи. Цифры обучающихся на рабфаках, в вузах и техникумах Урала впечатляют: речь идет о десятках тысяч рабочих. О размерах данной социальной группы можно судить по следующим показателям: к 1929 г. на Урале были два рабфака, в которых обучалось около 1 тыс. человек, а ежегодный выпуск составлял не более 300 человек. Переход к «штурмовым» методам привел к тому, что в начале 30-х гг. численность учащихся рабфаков выросла в 15, а выпуски — в 10 раз. Всего же в конце

первой пятилетки в индустриальных вузах и техникумах Урала обучалось более 15 тыс. рабочих и их детей, 16 % из которых составляли башкирские, татарские и удмуртские рабочие⁸.

В традиционной для Урала отрасли — черной металлургии — в 1932 г. насчитывалось 0,5 % рабочих, сочетавших работу и обучение в техникумах, рабфаках и вузах. В остальных отраслях — от 0,1 до 0,5 %, и только в немногочисленном отряде рабочих электротехнической промышленности Урала этот показатель поднимался до 1,7 %⁹. Приведенные показатели в 3 – 5 раз уступали аналогичным общесоюзным¹⁰.

По данным обследования 1934—1935 гг., охватившего преимущественно квалифицированных, потомственных, кадровых рабочих ВИЗа, (т. е., с позиции власти, в определенной степени приоритетную социальную группу) в вузах обучались представители 1,5 % семей рабочих. Более многочисленным было рабочее представительство визовцев в техникумах (4,5 %) и в ФЗУ (7 %) ¹¹. Было бы неверно не замечать масштабность указанного явления и радикальность «рывка к знаниям». Кто же учился в вузах Урала? Социальные портреты студентов 20-х и 30-х гг. отличались друг от друга. Для середины 20-х гг. собирательными чертами студента выступали следующие: рабочий, в возрасте до 30 лет, с начальным образованием, бывший рабочий или ремесленник; вступивший в партию в годы гражданской войны¹². К концу 30-х гг. студенчество помолодело: более типичным представителем стал сын рабочего, сам поработавший несколько лет на производстве, член ВЛКСМ¹³.

Задумаемся: сколько же молодых рабочих и детей рабочих закончили высшие и средние специальные учебные заведения? В целом, по нашим подсчетам, за 20—30-е гг. в Уральской области этот показатель составил около 10 тысяч, или около 1 % по отношению к численности рабочих промышленности региона в 1940 г.¹⁴ Оговоримся, что в категорию «рабочие-студенты» входили рабочие не только промышленности, но всего народного хозяйства. Подготовить большее число специалистов из пролетарской среды помешали не только образовательный уровень большинства рабочих, но и левачьи эксперименты в области высшей школы, низкое качество подготовки в период сокращения сроков учебы, слабое развитие заочного обучения.

Сеть заочного обучения охватывала, например, на Урале в 1931 г. до 5 тыс. человек, в том числе около 1 тыс. рабочих, однако спустя 5 лет инженерами стали только 8 студентов-заочников. Выпуски второй половины 30-х гг. исчислялись десятками специалистов¹⁵. Проблема заключалась и в том, что в первой половине 30-х гг. требования к поступающим на вечерние и заочные отделения вузов были занижены, соответствуя в ряде случаев уровню пятого класса начальной школы¹⁶. Выделим и еще один, практически не освещаемый в литературе аспект. Количество вы-

пускников уральских вузов в 1920—1930-е гг. было невелико, даже в крупных вузах оно исчислялось десятками и сотнями¹⁷.

Введение платности обучения с октября 1940 г. — малоисследованный сюжет нашей истории — сузило возможности рабочих для получения образования. Сокращение численности студентов вузов Уральского региона с 36 286 до 29 872 чел. в 1940/41 уч. г., или в 1,21 раза, прошло, как показывают архивные материалы, в основном за счет представителей малоимущих слоев¹⁸. Обратим внимание и на ярко выраженный технократический уклон подготовки: так, в годы первой пятилетки 72 % студентов вузов, 50 % студентов техникумов Уральской области готовились в технических учебных заведениях¹⁹, что естественно суживало и мировоззренческий диапазон рабочего класса, и направленность рабочих пополнений советской интеллигенции в годы первых пятилеток.

Между тем обещания в короткий срок повысить культурно-технический уровень рабочих до уровня ИТР, с одной стороны, низкие заработки — с другой, привели к *снижению престижа рабочей профессии* у части рабочей молодежи (и это в условиях беспрецедентного официального восхваления рабочего класса как «гегемона»). Только каждый третий из опрошенных в 1929 г. учащихся школ ФЗУ заявил, что хотел бы работать после окончания учебы по специальности; 62,8 % хотели бы продолжать обучение в вузе или техникуме²⁰. Недовольство молодых рабочих вызывали тяжелые, вредные для здоровья, грязные условия работы²¹. О серьезности проблемы свидетельствует принятие специального постановления ЦИК и СНК, запрещающего поступление в вузы после ФЗУ²².

Несоответствие мечтаний и реальной жизни (о чем уже говорилось) подкрепляло враждебные настроения по отношению к интеллигенции, готовность обвинить специалиста во вредительстве²³. Подобные настроения отсутствовали у той части рабочих, включая молодежь, которая росла в семьях потомственных квалифицированных рабочих, хранила гордость за свою профессию, требующую в ряде случаев высокого мастерства²⁴.

Отметим и другую сторону проблемы. Правящий режим для самовыражения людей фактически оставлял единственную область — сферу труда. Здесь в ряде случаев совпадали интересы государства и рабочего класса в целом. Назовем, например, прославление пропагандой рабочих умельцев, поддержку движения рабочих-рационализаторов. Сколь велик был слой рабочих, занимающихся техническим творчеством? Статистика 30-х гг., приводя массу примеров о количестве рационализаторских предложений и их экономическом эффекте, не дает ответа на поставленный вопрос. Попробуем использовать косвенные данные.

Передовым предприятием в плане развития творческой активности рабочих в конце 30-х гг. считался Пермский (Мотовилихинский) орудий-

ный завод, где в начале 1941 г. насчитывался 1 341 рационализатор, или 5,6 % заводского коллектива. Рабочие составляли 45 % рационализаторов. (О типичности приведенного примера говорят следующие факты: среди рационализаторов Челябинского тракторного завода удельный вес рабочих составлял 36 %; Уралэлектротяжмаша — 42 %; Синарского трубного — 47 %; Верх-Исетского — 55 %; Магнитки — 56 %.) Таким образом, среди 17 203 рабочих ведущего оружейного завода СССР насчитывалось 603 рационализатора, или 3,5 % общей численности рабочих. Это показатель можно рассматривать как типичный для крупных и средних предприятий²⁵.

За отсутствием других данных по промышленности Урала используем расчетный показатель — 3,5 %. В этом случае к 1941 г. слой рабочих-рационализаторов представлял массив порядка 25 тыс. человек, занятых в крупной промышленности Урала.

Следует, конечно, учитывать расхождение сведений официальных отчетов, приукрашивающих положение дел в рационализаторском движении, и реальных цифр. Но положительный сдвиг в деле развития творческой активности рабочих к 1941 г., в формировании не только квалифицированных, но и «технически думающих» рабочих был очевиден.

Вдумаемся в слова кузнеца Уралмаша Г. Коваленко, относящиеся к 1939 г. и раскрывающие процесс рождения рацпредложения: «Когда я представил деталь в работе, вник в технологию сборки всего узла, часть которого мне предстояло ковать, то уяснил, что фаски, снимаемые токарем, могут быть сняты мною. Начальник цеха и технологи одобрили мой проект и направили его в конструкторский отдел»²⁶. Как видно, в трудовых коллективах появился слой рабочих, способных как к техническому творчеству, так и по крайней мере, потенциально, к нелинейному мышлению. Интересна судьба самого Григория Коваленко, отдавшего Уралмашу четыре десятилетия трудовой деятельности. Обласканный властью, получивший большую квартиру и личный автомобиль, избранный депутатом Верховного Совета СССР, написавший книгу о своей жизни образцового рабочего, он, по воспоминаниям современников, отличался также и периодами пьяных загулов, за что неоднократно исключался из партии, но благополучно восстанавливался по указанию сверху²⁷.

Политизация всех сфер общественной и личной жизни была особенно заметной в формировании представлений о социальном идеале — новом советском человеке. Власть, официальная пресса и искусство создавали образы героев, которые должны были быть примером для остальных людей. В течение 1930-х гг. этим идеалом стали летчики, партийные работники, но прежде всего — рабочие-стахановцы. Власть использовала миф о «лучших людях социалистической индустрии» и как фактор мобилизации трудящихся, и как средство героизации повседневного производст-

венного процесса. Трудовые подвиги и самоотверженность воспринимались как высшая форма советского патриотизма, сознательности и социальной активности²⁸. Привлекательность образов героев дня основывалась на принципиально возможном повторении их судьбы. При описании жизненного пути таких героев-символов официальной пропагандой подчеркивалась его типичность. Примечательна эволюция использования уральцами словосочетания «новые люди»: если в начале 1930-х гг. так обозначали тех, кто раньше не работал на производстве, не имел навыков индустриального труда и элементарных технических знаний, по неопытности допускал аварии, то во второй половине десятилетия «новый человек» — символ высокой производительности труда, сознательности и политической активности²⁹.

Тема религиозной, национальной, производственной общности интеллигентов и рабочих раскрыта полнее в художественной литературе³⁰, а в научной еще ждет своего исследователя. Эпоха 20–30-х гг. принесла принципиально новые моменты в рассматриваемую проблему. Произошла определенная нивелировка советского общества, в частности «оробочивание» интеллигенции. В силу названных факторов социально-психологический опыт кадровых, квалифицированных рабочих крупной промышленности к началу 40-х гг. отвергал признание интеллигенции в качестве виновника трудностей.

Если техническое обучение рабочих носило обязательный характер с элементами принуждения, то система идеологического воспитания на протяжении 1930-х гг. все более приобретала тотальный характер. Расширяя масштаб охвата рабочих различными формами политучебы³¹, властные структуры к концу 30-х г. добились участия в систематическом изучении партийно-политических документов большинства рабочих. В политкружках 1938–1939 гг. по официальным данным занимались 70 — 72 % рабочих и служащих Урала³². Параллельно рабочие коллективы «насыщались» лекциями идейно-политического содержания. В 1938–1939 гг. в Свердловской и Пермской областях лекции по «Краткому курсу истории ВКП(б)» были прочитаны более чем 3 млн человек, т. е. практически всему взрослому населению. Так, рабочим Магнитки в 1940 г. как правило, в рабочие перерывы ежемесячно читались 53 лекции этой тематики³³.

Фронтальное изучение материалов журнала ВЦСПС «Вопросы труда» показывает, что с 1928 г. цензура перестала пропускать сколько-нибудь критические статьи. В целом, с конца 20-х гг. периодическая печать, принадлежавшая партийным комитетам различного уровня, за редким исключением (заметим, быстро наказуемым)³⁴, действовала строго по идеологическим канонам. Информативность как главная функция газет, журналов, радио уходит на второй план, уступив место агитации и

пропаганде³⁵. Из средств массовой информации, из произведений искусства, деятельности клубов, работы библиотек рабочие могли почерпнуть сведения, утверждающие приоритет классовых ценностей в деятельности отдельного человека и общества в целом.

Но всегда ли доминирование идеологических стереотипов в информационной и культурной сфере напрямую проецировалось в сознании рабочих? В силу того, что источники массового характера, позволяющие найти правдивый ответ на поставленный вопрос, отсутствуют, обратимся к косвенным свидетельствам. Политическая тематика в составе книг библиотеки крупного оборонного пермского завода им. Дзержинского составляла 20,4 %; художественная тематика — 17,2 %. Однако в течение 1936 г. читаемые книги политической тематики составили 7,3 % всех прочитанных книг, тогда как художественной — 48,9 %. Знаменательно, что 44 % книг политической направленности оказались вообще не востребованными рабочими. Судя по отчетам профсоюзных организаций предприятий ценовой промышленности Урала, такая структура чтения рабочих была характерным явлением³⁶.

Обследование на ВИЗе (1934–1935) показало, что на вопрос о том, какие книги больше всего интересуют, смогли ответить только 29 % опрошенных рабочих. Из давших определенный ответ высказались за художественную литературу (12 %), за техническую (11 %), за общественно-политическую (6 %), т. е. $\frac{1}{5}$ высказавшихся определенно³⁷. Таким образом, власть могла формировать круг рекомендованной для рабочих литературы, но регламентировать круг чтения рабочих оказывалось более сложным делом.

Решение данной проблемы руководство страны видело, во-первых, в дальнейшем насыщении книжных полок политической литературой³⁸; во-вторых, в удалении из библиотек «неудобных книг»; в-третьих, в росте тиражей художественной литературы, прославляющей советскую историю. И это приносило определенные плоды.

Рассмотрим подробнее круг чтения рабочих 1930-х гг. на примере рабочих-стахановцев Кировоградского медеплавильного завода — одного из крупнейших в отрасли предприятий. В 1936 г. структура литературы, прочитанной стахановцами, на 30 % состояла из книг дореволюционного издания, а на 70 % — из книг, выпущенных за 19 лет советской власти. 62 % литературы советского периода было посвящено трем темам — гражданской войне, колхозному строительству и индустриализации. Именно эти категории книг, рекомендованных сверху и обязательных для чтения в школьном курсе, составляли главный арсенал чтения уральских рабочих второй половины 30-х гг. Неравнозначность подходов к современности и культурному наследию прошлого очевидна, так же как и идеологическая подоплека этого явления. Обращает на себя внимание и

такой аспект. Из 1 285 стахановцев — передовых рабочих Кировоградского завода — только 508 (40 %) являлись читателями библиотек, каждый из которых прочитал за 1936 год в среднем 2 книги³⁹.

Однако общеобразовательный уровень рабочих молодого Кировоградского медеплавильного завода был одним из самых низких среди металлургических предприятий Урала: только 47, 3 % рабочих завода в 1936 г. имели образование 3 класса и выше⁴⁰. Опубликованные (т. е. носящие официальный характер) результаты обследования рабочих промышленности Свердловской области в 1937 г. показали: 16 % рабочих являлись читателями библиотек; в среднем один рабочий прочитывал в год 7,5 книг, 240 экземпляров газет, 8 раз посещал кино⁴¹. Высокий показатель разницы (почти в четыре раза) темпа чтения книг у стахановцев, записанных в библиотеки Кировограда (2 книги в год), и у среднего рабочего Свердловской области (в год 7,5 книг) при сохранении невысокого общеобразовательного уровня рабочих Урала в целом⁴² наводит на мысль о завышенности результатов обследования 1937 г. В подтверждение данной гипотезы заметим, что из числа квалифицированных, кадровых, потомственных рабочих ВИЗа в 1935 г. регулярно пользовались книгами общественных библиотек члены 11 % рабочих семей⁴³.

Согласно упомянутому обследованию 1937 г., за 1924–1936 гг. время, отводимое на культурные и развлекательные цели, выросло у рабочих с 29 до 45 часов, а у работниц — с 12 до 26. Даже ориентируясь на количественные характеристики культурных запросов рабочих (качественные в данном случае отсутствуют), отметим, что они в 2–3 раза уступают аналогичным показателям среди ИТР⁴⁴. Кроме того, получалось, например, что 84 % рабочих в год «завершения культурной революции» и не заглядывали в библиотеки. Между тем согласно материалам историко-социологического обследования, опубликованного в 1977 г., опрос 450 молодых рабочих 30-х гг. показал: чтение входило в круг основных занятий только у 5,6 % опрошенных (6,3 % мужчин и 4,4 % женщин)⁴⁵. Это еще раз подтверждает умозрительность лозунга о рабочем классе как ведущей силе культурной революции.

Посещение клубов, театров, кинотеатров, конечно, оказывало влияние на культурный облик рабочих 30-х гг. Если говорить о внешней стороне, то во второй половине 30-х гг. в моду вошли фотографии рабочих в костюмах и галстуках и появление в таком виде в дни праздников, а у рабочей молодежи — и в дни отдыха⁴⁶. Слой городских рабочих, не связанный с огородами, не имевший возможности и необходимости заниматься собственным домом, часть свободного времени стал проводить в парках отдыха по схеме развлечений, близкой к деревенской гулянке и, к радости властей, позволяющей контролировать отдыхающих. Помимо этого, парк привлекал рабочих возможностью побыть «на природе», от-

дохнуть от скученности жилищно-бытовых условий. Для части рабочих по традиции сельского досуга отдыхом было и пребывание на улицах городов. Например, в Магнитогорске в выходной день «дорожки были заполнены рабочими всех возрастов, вышедшими подышать свежим воздухом. Все скамейки были заняты мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, читающими и разговаривающими»⁴⁷. Новым, без сомнения — позитивным, явлением в культурной жизни рабочих Урала стало проведение отпуска в домах отдыха и на курортах. Анализ проведения отпусков кадровых, потомственных рабочих-металлургов в 1934 г. показывает: четверть из них провели свой отдых по профсоюзным путевкам. Однако посещение курортов и домов отдыха в основном ограничивалось пределами Урала и носило разовый характер⁴⁸.

Свободное время позволяло брать в руки музыкальные инструменты. Среди рабочих-металлургов ВИЗа музыкальные инструменты имелись в 1913 г. в 10 %, а в 1934 — в 24 % семей. Наиболее распространенными музыкальными инструментами в рабочих семьях были: балалайка (41 %); гармонь (23 %); гитара (15 %). К числу музыкальных инструментов был отнесен и патефон, владельцами которого были 3,5 % рабочих семей⁴⁹. Современник, описывая события 1935 г., отмечает, что в рабочем бараке в красном уголке систематически молодые рабочие по вечерам играли на балалайках и гитарах. Исполнялись рабочие революционные песни, народные напевы, русские лирические романсы. «Я никогда не переставал удивляться, что так много русских рабочих умеют играть на балалайке. Они учились играть длинными зимними вечерами в... домиках-избушках в своих деревнях». В летнее время рабочие часто выносили гитары и балалайки на улицу, и, «казалось, что ты находишься в каком-нибудь маленьком городке в Италии»⁵⁰.

О переменах в культурных запросах рабочих Урала за годы первых пятилеток можно судить по уже приводимых данным обследования мартецовцев ВИЗа. За 1926—1934 гг. удельный вес рабочих, когда-либо посещавших все виды театров, вырос с 19 до 30 % (11 % рабочих, судя по опубликованным данным, посещали театр относительно часто), а кинотеатры — с 33 до 44 %⁵¹. Однако к театральным спектаклям, судя по тексту источника, отнесены представления детских, передвижных и самодеятельных театров.

Часть рабочей молодежи принимала активное участие в работе клубов, политических и общественных организаций, находясь под влиянием романтизированных ценностей революции и Гражданской войны. Материалы профсоюзной переписи 1929 г. показали: среди рабочих от 15 до 22 лет процент участвовавших в работе клубов (19,4) был в 2,3 раза больше, чем в категории 23 – 29 лет, и в 3,8 раз, чем в категории 30 – 39 лет⁵². Однако вряд ли эти показатели радовали властные структуры:

«охваченными», следуя терминологии тех лет, являлись менее одной пятой части рабочей молодежи. К неудовольствию партийных органов, четыре из пяти молодых рабочих самостоятельно решали, как проводить свободное время. Кроме того, среднестатистический молодой человек 1920-х гг. устал от политики и классовых битв. Лишь 0,6 % юношей и 1,5 % девушек к концу 1920-х гг. стремились подражать героям революции. Идеалами подростков становилось собственное благополучие⁵³.

Увеличение свободного времени — без сомнения позитивный сдвиг в положении рабочих — позволил части трудящихся активнее заниматься культурным досугом. Однако удельный вес рабочих Урала, занимающихся в клубных кружках, прежде всего в художественной самодеятельности, мало изменился с 20-х гг. и составлял, например у металлургов, около 10 %⁵⁴.

В первой половине 30-х гг. на Урале активно действовали Театры рабочей молодежи. Так, в первой половине 30-х гг. Театр рабочей молодежи завоевал известность среди рабочих Магнитогорска, ставя агитационные скетчи о трудовой дисциплине, чистоте в браках и выполнении плана. Поскольку у труппы не было своего помещения, то многие спектакли ставились в бараках, жилых домах, в клубах, а когда погода позволяла, то и на улице. Поскольку большинство актеров ТРАМа составляли вчерашние рабочие, артисты театра, узнавая о конфликтных ситуациях на комбинате между рабочими и администрацией, превращали их в драматические постановки⁵⁵.

В середине 1930-х гг. закончился эксперимент с созданием рабочих театров и театров рабочей молодежи, поскольку культурный уровень зрителей вырос и не удовлетворялся агитационными пьесами, уступающими по качеству профессиональному театру. Большинство указанных рабочих театров превратились в любительские кружки, а наиболее перспективные стали профессиональными. К позитивным моментам их деятельности следует отнести практику выездных гастролей в рабочих районах, бесплатных спектаклей для рабочих⁵⁶. Знаменательно, что Л. А. Пинегина, говоря о рецензиях рабочих на театральные спектакли, отмечает: отсутствие специальных знаний у рабочих приводило к прямолинейному, утилитарному пониманию сценического произведения. Ряд жанров театра (оперетта, мюзикл) чаще всего не воспринимались рабочими⁵⁷.

В этой связи утверждение о том, что «деятельность рабочего класса в области театра была камертоном для профессионального театрального искусства, настраивала его на тон современности, революционности»⁵⁸, следует отнести к идеологическим штампам своего времени. Характерно и то, что посещение профессионального театра для подавляющего большинства рабочих было редкостью. Очевидец событий середины 30-х гг.

вспоминает, что для большинства рабочих с их крестьянским прошлым цирк был более популярным заведением, чем театр. Однако и в цирке «время от времени делались попытки увязать номера программы со строительством социализма в одной стране или с выполнением плана на комбинате, что выглядело весьма нелепо и смехотворно»⁵⁹.

Для основной же массы рабочих время досуга было сопряжено с каким-нибудь делом — хозяйственными заботами по дому, поиском дополнительной возможности заработка, о чем прямо говорила статистика и публицистика конца 1920-х гг. «Досуг, остающийся в распоряжении мартеновцев [Верх-Исетского завода], в огромном большинстве случаев проводится в выполнении работы “около дома”, — мелкий ремонт, уход за скотиной, за огородом и т. д.», как свидетельствовали «Материалы о культурном строительстве на Урале» — источник, обобщивший ряд сюжетов культурно-бытовой сферы жизни рабочих⁶⁰.

Традиция компактного расселения рабочих — выходцев из какой-то области или района, представляющих одну религию, религиозную общину, — сохранялась. В старых городах и рабочих поселках существовали целые улицы, населенные земляками, где из поколения в поколение воссоздавались обрядовые элементы традиционной культуры⁶¹. В новых поселениях землячества, в силу бытовой неустроенности, большей зависимости рабочих от предприятия, частой перемены места работы, играли меньшую роль. Однако и в них необходимость борьбы за выживание диктовала сохранение взаимопомощи, черт общинной психологии.

Привычка к труду объяснялась не только борьбой за выживание, но и ранним началом трудовой деятельности⁶². Согласно материалам переписи 1929 г., после 1917 г. ускоряется процесс снижения удельного веса рабочих, начавших работать после 15 лет, начиная с 1926 г. крупнейшая по численности группа рабочих приступала к работе с 16–17 лет. Не оспаривая этого факта, заметим: материалы профсоюзной переписи 1929 г. на наш взгляд, лишь частично отражают указанное явление: так, во-первых, крестьянские пополнения рабочих коллективов в своей массе не подпадали под категорию «работа по найму», что естественно искажало общую картину вступления рабочих в трудовую деятельность; во-вторых, нередко рабочая молодежь приходила на производство после различных форм технического обучения. Сошлемся, например, на обследование рабочих Верх-Исетского завода, по которому 74 % рабочих-мартеновцев начали трудовую жизнь до 15 лет. Две трети мартеновцев начинали трудовую деятельность в 12 лет, что было связано с окончанием начальной школы⁶³.

Мутация противоречивых элементов традиционной и инновационной культуры затягивала процесс модернизации, а социальная и культурная неоднородность рабочего социума ширила масштаб противоречий совет-

ского общества. Как показывают наши исследования, удельный вес рабочих крупной промышленности в самостоятельном населении Урала за 1914 — 1941 гг. вырос в 4,5 раза. Потенциально это усиливало влияние рабочих в обществе. Однако оно носило противоречивый характер, было столь же неоднородно, как и сам рабочий класс. Высокое трудолюбие и мастеровитость, тяга к различным знаниям, к восприятию городской культуры у одной части рабочих соседствовали с примитивным восприятием культурных ценностей, враждебным отношением и отторжением незнакомых культурных богатств у другой, более многочисленной части рабочих.

Формирование узкого слоя рабочих, закончивших вузы, составлявшего менее 1 % от численности рабочего класса Урала, ни в коей мере не отвечало задаче (безусловно, завышенной), сформулированной руководителями ВКП(б): поднять культурно-технический уровень рабочего класса до уровня интеллигенции. Завершение образования рассматривалось рабочими как возможность покинуть тяжелую, вредную для здоровья прежнюю профессию, прежнее низшее положение в обществе. Мы негативно оцениваем в целом институт выдвигенчества как *искусственный механизм социальной мобильности*, ослабляющий кадровый потенциал рабочего класса. Позитивный момент заключался в формировании у части рабочих стремления к учебе как обязательному условию продвижения по социальной лестнице.

Невелик был и слой рабочих, имевших семилетнее и среднее образование. Даже на передовых заводах Урала он не превышал $\frac{1}{7}$ всех рабочих. Для всего же рабочего класса СССР этот показатель был ниже 10 %. В силу высокой текучести рабочих кадров, безудержного роста рабочих рядов за счет крестьянских пополнений и лиц принудительного труда, в составе рабочего класса Урала доминировал рабочий с тремя классами образования. Называя вещи своими именами, для конца 1930-х гг. это означало преобладание в составе класса-гегемона малограмотных людей. Новым явлением стало появление категории молодых рабочих, для которых получение семилетнего, реже десятилетнего образования стало обычной нормой, возможностью не уступать ровесникам из других слоев общества.

К 1941 г. удельный вес рабочих крупной промышленности Урала, способных справляться со сложными заданиями, не превышал 25% общего числа всех рабочих. Внутри этого массива существовал слой рабочих, закончивших КМСТ и получивших круг теоретических знаний, соответствующих высокой квалификации (около 2 % рабочих промышленности). Формировался и круг рабочих-рационализаторов (3,5 %), наиболее активной группы промышленных рабочих Урала, связанной с техническим творчеством. В иерархии рабочего класса по степени квалифика-

ции рабочие с высокопрофессиональной подготовкой составляли меньшинство. Однако на модернизированных и новых предприятиях региона именно им принадлежала главная роль на производстве.

Определенная часть рабочих Урала (по оптимальным оценкам официальной статистики — до 16 % состава рабочих промышленности) стала читателями библиотек. Круг рабочих, относительно часто посещавших театры всех видов, включая самодеятельные, был существенно уже. Даже у кадровых, квалифицированных уральских рабочих в областном городе к «поклонникам театра» можно было отнести только каждого десятого. Примерно такой же слой рабочих занимался в клубных кружках, прежде всего в художественной самодеятельности. По нашим наблюдениям, большинство в трех названных социальных группах составляли одни и те же рабочие.

Основная масса рабочих сохраняла прочность традиций хозяйственного быта, повседневных занятий и привычек, что во многом определило и сохранение традиционного социокультурного уклада промышленных рабочих Урала. Сохранение религиозных убеждений у 60—70 % жителей Урала, в том числе значительной части рабочих, сохранение земельных участков у кадровых тружеников уральской промышленности — все это свидетельствовало о сопротивлении народной культуры коммунистическим догмам.

В этом мы видим прочность и основательность социокультурных характеристик уральских рабочих, основанных на верности заводскому ремеслу, уважении к профессиональному мастерству, понимании личного хозяйства не только как хозяйственного механизма, но и в качестве объекта культуры, передающего традиции отношения к земле и природе, к смыслу жизни. К сожалению, только у меньшей части рабочих Урала сохранилась способность критически оценивать технические, общеобразовательные знания и художественные ценности, приобщение к созданию элементов культуры

Рабочий-умелец и безразличный к своему делу, жилью, земле пролетарий возродились в послереволюционной России, но уже на более массовой основе, на более масштабном уровне восприятия и формирования культурных ценностей. Потеря собственности и даже права на собственность, отказ от религиозных убеждений и традиций значительной части рабочих обусловили проявление разрушительных тенденций в процессах формирования социокультурного облика современных рабочих, стали основой культурного раскола в рабочей среде. Близость ценностей «социалистического реализма», криминального или полукриминального мира становилась фундаментом формирования особого типа культуры, характерного для тоталитарного общества. Антигуманные акции в жизни советского общества 30-х гг. порождали готовность к безусловному при-

знанию и одобрению всех «кирпичиков» социалистической культуры, которые одобрила власть, для другой — большей части рабочего класса.

Зависимость тоталитарного режима от технического прогресса порожидала двойственность культурной политики советской власти: государство должно было поддерживать обе столь не схожие части рабочего класса.

- ¹ См., в частности: История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 2. Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества, 1921–1937 гг. М., 1984. С. 9.
- ² См.: Труд и социально-культурное строительство Урала в пятилетнем плане 1928/29–1932/33 гг. Свердловск, 1929. С. 16–18, 42–63.
- ³ См.: *Постников С. П.* Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале. Свердловск, 1991. С. 87, 89.
- ⁴ См.: Там же. С. 68.
- ⁵ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 3 б. Л. 70.
- ⁶ См.: Просвещение на Урале. 1927. № 3. С. 72–73.
- ⁷ См., например: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 381. Л. 83, 89; Д. 382. Л. 7, 28, 131.; *Козлов В. А., Хлевнюк О. В.* Начинается с человека. М., 1988. С. 153–154.
- ⁸ Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 381 С. 137, 143, 157, 159.
- ⁹ Профсоюзная перепись 1932 – 1933 гг. М., 1934. С. 94–99; 110–111; 120–121, 222–223; *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг. М., 2001. С. 429 (Прил. 15).
- ¹⁰ Профсоюзная перепись 1932 – 1933 гг. С. 52.
- ¹¹ *Величкин В. И.* Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936. С. 98.
- ¹² См.: Уральский коммунист, 1924. № 3–4. С. 69–70.
- ¹³ См.: *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974. С. 153, 154, 158.
- ¹⁴ Подсч. по: *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. С. 108–109, 122–123, 177–178
- ¹⁵ Там же. С. 108–109, 122–123, 177–178.
- ¹⁶ *Скотт Д.* За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. М.; Свердловск, 1991. С. 68.
- ¹⁷ *Деменев А.И., Добровольский Н.С.* Высшее образование на Урале. Свердловск, 1958. С. 50.
- ¹⁸ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1069. Л. 36, 71, 92–93, 114, 149, 170, 210. Больше, чем по Уралу в среднем, сокращение имело место в Башкирии и Удмуртии. Плата за обучение составляла в вузах 300 руб., т. е. около месячной зарплаты промышленного рабочего Урала. (см.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 113. Л. 16–17).
- ¹⁹ См.: *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. С. 112, 142.

- ²⁰ См.: *Постников С. П.* Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале. С. 101; см. также: *Вопр. труда.* 1930. № 6. С. 78; *Школа взрослых.* 1941. № 3. С. 31.
- ²¹ На Смену (Орган Уральского обкома ВЛКСМ). 1927. 18 мая.
- ²² СУ СССР. 1933. № 59. Ст. 357.
- ²³ *Делицой А. И.* Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919 – 1931 г.: проблема взаимоотношений. Екатеринбург, 1998. С. 18.
- ²⁴ *Крупянская В. Ю. и др.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. С. 39, 55
- ²⁵ Подсчитано по: ГАПО. Ф. 33. Оп. 5. Д. 348. Л. 2–7; Д. 568. Л. 4–6; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 348. Л. 10^{об}; ГАСО. Ф. 2231. Оп. 1. Д. 7. Л. 17–17 об; Ф. 2337. Оп. 1. Д. 88. Л. 26–27; Ф. 122. Оп. 2. Д. 830. Л. 193; ГАЧО. Ф. 485. Оп. 7. Д. 838. Л. 131.
- ²⁶ *Коваленко Г.* Записки кузнеца. М., 1952. С. 19–20.
- ²⁷ Сведения сообщены М. А. Фельдману в 1981 г. работницей Уралмаша в 30 – 60 е гг., сотрудником музея УЗТМ в 70 – 80-е гг. Марией Аникеевой, близко знавшей Г. Коваленко.
- ²⁸ См.: *Быкова С. И.* Политические представления советских людей в 1930-е гг. (на материалах Уральского региона). Екатеринбург, 2003. С. 14.
- ²⁹ См.: Там же. С. 15.
- ³⁰ См.: *Залыгин С. П.* После бури. Иркутск, 1984.
- ³¹ В 1932 г. в сети партийного просвещения Уральской области занималось около 100 тыс. рабочих (75 % всех слушателей), тогда как в 1929 гг. общее число слушателей указанной сети составляло 49 тыс. (см.: *Богер Л. Ф.* Коммунисты Урала в борьбе за политическое воспитание рабочего класса в годы первой пятилетки // *Идейно-политическое воспитание рабочего класса в период строительства социализма.* Свердловск, 1983. С. 51).
- ³² См., например: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 219. Л. 7, 15; *Секачева Л. М.* Партийное руководство деятельностью профсоюзных организаций промышленных предприятий Урала в годы третьей пятилетки. (1938–1941). Свердловск, 1981. С. 17.
- ³³ Подсчитано по: Урал. рабочий. 1940. 15 марта, 14 нояб.; Звезда. 1940. 14 нояб.; ЦДНИЧО. Ф. 234. Оп. 14. Д. 4. Л. 22.
- ³⁴ См.: *Фельдман М. А.* Последнее предупреждение статьи А. П. Танеева в уральской печати в 30-х гг. // Третьи Татишевские чтения. Свердловск, 2000. С. 388–391.
- ³⁵ См.: *Загребин С. С.* Метаморфозы культуры: Культурное строительство на Южном Урале в 1929–1941 г. Челябинск, 1994. С. 228.
- ³⁶ См. об этом: ГАСО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 302. Л. 9–17.
- ³⁷ *Величкин В. И.* Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936. С. 98–99.
- ³⁸ В 1937 г. доля политической литературы в книжном фонде массовых библиотек СССР составляла 23,2 %. В 1938 – 1940 гг. произошло увеличение масштабов выпуска литературы этого рода (см.: *Культурное строительство СССР.* Стат. сб. М.; Л., 1940; *Партийное строительство.* 1940. № 18. С. 13).
- ³⁹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 302. Л. 9–17.

- ⁴⁰ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 382. Л. 105.
- ⁴¹ Чуфаров В. Г. Осуществление культурной революции в СССР и коренное изменение духовного облика трудящихся Советского Урала // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции Свердловск, 1972. С. 142–143.
- ⁴² Величкин В. И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. С. 98.
- ⁴³ Там же. С. 98–99.
- ⁴⁴ Чуфаров В. Г. Осуществление культурной революции в СССР и коренное изменение духовного облика трудящихся Советского Урала. С. 142–143.
- ⁴⁵ Коган Л. Н., Павлов Б. С. Молодой рабочий: вчера и сегодня. Свердловск, 1977. С. 123.
- ⁴⁶ См.: Крупянская В. Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. С. 236–237.
- ⁴⁷ Скотт Д. За Уралом... С. 215.
- ⁴⁸ Величкин В. И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. С. 59 – 60.
- ⁴⁹ Там же. С. 103.
- ⁵⁰ Скотт Д. За Уралом... С. 65, 215.
- ⁵¹ Подсчитано по: Величкин В. И. Производственные и бытовые условия рабочих... С. 103.
- ⁵² Подсчитано по: Рашин А. Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. С. 149.
- ⁵³ См.: Рожков А. Ю. Молодой человек 20-годов: протест и девиантное поведение // Социс. 1999. № 7. С. 112.
- ⁵⁴ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 1007. Л. 1; Культурная работа профсоюзов. 1939. № 1. С. 73.
- ⁵⁵ Скотт Д. За Уралом... С. 241–242.
- ⁵⁶ Андрианова Г. С. Художественная интеллигенция Урала в 30-годы. Екатеринбург, 1992. С. 37, 39, 69.
- ⁵⁷ Пинегина Л. А. Рабочий класс и художественная культура. М., 1984. С. 173.
- ⁵⁸ Там же. С. 208. Сказанное не умаляет вклад Л. А. Пинегиной в комплексное освещение данной темы.
- ⁵⁹ Скотт Д. За Уралом... С. 241.
- ⁶⁰ Материалы о культурном строительстве на Урале: К пленуму обкома ВКП (б) 29 октября – 3 ноября 1928 г. Свердловск, 1928. С. 12.
- ⁶¹ Крупянская В. Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. С. 236–237.
- ⁶² См.: Рашин А. Г. Состав фабрично-заводского пролетариата... С. 60.
- ⁶³ См.: Материалы о культурном строительстве на Урале. С. 12.